

Баллада про Катю Козлову

Павел Антокольский

Товарищи, помните Катю Козлову
Весной в сорок первом году?
Теперь вы узнаете, честное слово,
Ту школьницу нашу, девочку Козлову.
И может быть, счастья и сам не найду.
Еще в этом августе в катиной школе
Пытамы советских людей.
Немецки начальники, гестаповец, что ли,
Устроил свою канцелярию в школе,
И всех он погане был и лютей.
Однажды увидел он Катю Козлову,
Увидел и сразу размак.
Взъном увидав ее, честное слово:
— Мойн медхен, мойн Гретхен, мойн Кетхен!

Козлова!

Сует школах, предлагает коньяк.
Но Катю, голубушка, строго держалась,
То спрахетс к бабке в подвала,
То сажай измажтас — чистый жалосты!
То душой прикинется. Словом, держалась
Отважно. А он ей жития не давал,
И в зимнюю ночь комсомолка Козлова
Посшла к партизанам одна.
И еще рассказыва, от слова до слова,
И страшню катиной каласясь им Козлова,
Что булет народному делу ворна.
Представьте! Землянка. Дверь настежь.

Вбегает

Та девушка в снежной ножи.
И смеаулю помощь друзьям предлагает.
Печурка гудит, и котлика моргает.
Толатася вокруг девушки бородачи.
Картошку горячую Катю Козлову
И чай в манере дают.

— Спасибо за помощь, за доброе слово,
За то, что пришла к нам, товарищ Козлова!

— Спасибо, товарищи, вам за приют.

Крепчает мороз. Плохо спитесь фашистам
В кирпичных домах городах.

А Катя бежит по сугробам пушистым
В знакомую школу. Не спитесь фашистам.

Для них и декабрьская ночь коротка.
Ступитесь в окно она, с ужасом входит

В ту комнату, в собственнй кабинет
И меланхо немец к девочке подходит

И газл оловинных с девочки не сводит.
— Терпи. Ты каласясь.

Он навал вина ей. С кривою усмешкой
Он еводит с лица её газл.

И слышитесь Кате:
— Терпи. Но не мешкая.

Смотри на фашиста с такой же усмешкой.
Но делаю, что надо, скорей. Ты каласясь.

И чудится Кате, что в комнату вестер
Меж бровнями шель отсыскал,

И вот он на катиным мысли ответил:
Как выспать в бочка, чтобы тот не заметил,

И бестро к нему передвинуть стакан.
И смею каласясь и зубы оскалал.

Газла тяжким как свинец.
Вста скатерть закалап.

— Что было в бочкал?
Алицо испарвала, попит:

— Цпанкнал!

И влантас на по.
И это конец.
Вес кончонце. Вот он. Вемотрись же.
Козлова,
Вемотрись, и очинись, и беги.
Ты катыва исполнала, вспоминала слово.
Беги, пропадаль, комсомолка Козлова!
На уалце крик. В коридоре шагл.
И на земаю Катю швыриуал, и билал,
И руки скрутил жутком,
Куда-то земаз ел в автоблал,
Снимаи дознане и замертво билал,
И может быть, Катю убилал погил.
На этом бы кончить и -точку поставит...
Да нет! До конца далеко.

У нас разговор заведён неспроста велл.
Асково ли в такую минуту оставить
Лобимур? Прямл скажувал несомно,
Здес кто-то сказа, что пошла Козлова,
Что верит Козлова неалк.
Кто выступит хочет? Кто требует слова?
Уж сам погала к фашистам Козлова,
Почти ел светлаулю память, друзл.
А вдруг в поашубке дублом, из выгит,
Румина, злая, как зверь, —

Но знаю, на севере или на юге, —
Спешит партизанка, подружонка выгит,
И входит живая сюда, в эту дверь...
А вдруг не она, а такая же точно
Ушла невредимой в ту ночь?
Ведь рыщет фашист по равнине восточной,
Он ищет ел иль такую же точно,
Меньшую сестру твою, старшую дочь.
Он рыщет с отгем за Невой и Оскалом,
Где горда девушка та,
И катиных светринок в домах и по школам
Чернит полицейским своим протоколом,
Дозналыми мучает с пеной у рта.
А вдруг это правда, что девушка Катя
Ушла невредимой во мгае?

Иль надо землянику в лесу отыскать ей?
Иль бородачи уже встретились с Катей,
С той самой, на той же советской земазе?

Вчера мы принас неизветный товарищ
От Катя два длинных письма.
Он шёл через фронт, мимо чёрных пожарниц,
Сквозь выгит. Да заравестует тот товарищ,
И катини письма, и Катя сама!

Самолёт на базу вернулся!

...Варевел мотор, и самолёт гвардии младшего лейтенанта Носаль и штурмана гвардии младшего лейтенанта Каширина полёт второй раз за эту ночь на выполнение боевого задания.

Ира и Дуся — ровесницы: им по двадцати одному году. Может быть, именно поэтому в труднейшем ночном полёте девушки весело распевают, тут же складывая слова своих песен.

Но вот самолёт над целью, и на головы врага сыплются бомбы. Визгу возникает сильные взрывы и пожары. Цель поражена.

Скворцо бьют осветки — и авиасоюз рядом с крылом возникает ослепительные пламя разорвавшегося снаряда. Почти одновременно Каширина ощущает, что самолёт потерял управление.

— Дуся! Дуся! — кричит она в трубку телефона своему командиру.

Ответа нет. Перегудившись вперед, Ира видит беспомощно свесившуюся на циток управление голову подруги.

И штурман сам ведёт самолёт с мёртвым взлётком к горам. Тело Носаль быстро кончается в воздухе и оседает, прижимая руку управления. Ноги Носаль мешают работе пилота.

Самолёт твнет кизну. Стиснула зубы, Каширина продолжает безраздельно тело подруги, порочивает машину обратно к морю и набирает ещё большую высоту.

Здравый рассудок и храброе сердце девушки победяют. Горы пройдены. Путь к дому, к своему аэродрому открыт.

Точно скажет штурман самолёт на земаю. Потом Каширина бросается к кабине пилота; её руки чувствуют мёртвую тяжесть подруги. Вёл в крови, в слезах она идёт на аэродром и докладывает командиру:

— Задание выполнено. Самолёт посажен за пределами площадки ввиду невозможности

Ира Каширина.

включить световые сигналы. Лечич... Дуся Носаль... убита.

Так долбала при выполнении своих служебных обязанностей Герой Советского Союза гвардии младший лейтенант Евдокия Носаль. Так вернулся на базу с боевого задания её самолёт, который привела штурман-орденоноска гвардии младший лейтенант Ирма Каширина.

Это был её 352-й боевой вылет.

Б. Цейтлин

Северокавказский фронт.

На обложке: комсомолка гвардии лейтенант Наталка Мехалин, бывшая студентка второго курса МАИ, совершившая 450 боевых вылетов.
Фото В. Цейтлина.

С М Е Н А

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 9—10 май 1943 г.

Год издания XX ● Издательство „Правда“

В номере: ПЕРЕДОВАЯ — Патриотизм требует дела. П. АНТОКОЛЬСКИЙ — Баллада про Катю Козлову (стихи). Н. ЧУКОВСКИЙ — Девять братьев (начало романа). В. ДЕМИДОВ — Город будет жить! (из альбома художника). Л. СВОБОДА — Путь на родину лежит через бой. НЕБО КУБАНИ (фотоочерк). М. ЛЮШКОВСКИЙ — Вот что значит ветеран! СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ: А. КУЛЕШОВ — Над братской могилой; С. ГУДЗЕНКО — Украина, Трава; Г. ПОПОВ — Генерал; М. ДУДИН — Романтика; С. КРУШИНСКИЙ — Истоки большой реки; Я. ХЕЛЕМСКИЙ — В Озоте (стихи); К. НЕПОМЯЩИЙ — Расстрел в Кулиатске.

Патриотизм требует дела

Товарищи из Ставропольского крайкома комсомола рассказали нам о Доре Карабут.

Она была тихой и застенчивой девушкой. Она была честна и трудолюбива. О ней говорили: «Самая обыкновенная, такая, как все».

Может быть, про Дору так и забыли бы, и может быть, до сих пор мы ничего не узнали бы о ней, если бы незадолго перед тем, как фронт приблизился к Ставрополю, Дору не избрали заместителем секретаря Сталинского райкома комсомола.

Не громкие речи и не широкая известность были причиной тому, что Дора стала комсомольским руководителем: скромность Доры, её трудолюбие и усердие послужили основным доверием, которое ей было оказано товарищами. И товарищи Доры не ошибались в своём выборе.

Когда немцы ворвались в Ставрополь, Дора, сговорившись с несколькими активистами, ушла к партизанам. Она бродила в зарослях камышей и в плавнях; она приняла суровость своей партизанской судьбы и осталась такой же скромной и тихой.

Однажды Дора была тяжело ранена. Немцы схватили её, бесилуды, истекающую кровью. Они допрашивали её и требовали, чтобы она отвечала; они пытали её, но она молчала. Тогда они расстреляли комсомолку Дору.

Мы не знаем, какими подвигами отмечен путь Доры в партизанском отряде. Быть может, она и не совершила ничего героического, и всё же мы навсегда сохраним в памяти её светлый образ, ибо жизнь Доры — незаметная для многих — была жизнью истинной русской девушки-патриотки.

Слушая рассказ о Доре Карабут, мы невольно вспомнили слова М. Е. Салтыкова-Щедрина: «...история отметила много видов героизма и самоотверженности, но забыла об одном: о героизме и самоотверженности русской крестьянской женщины. Это — скромное, беспримечное героизм, никогда не прекращающееся, не ослабевающее: ни при первом крике петила, ни при третьем. Это героизм... всегда стоящее на страже и готовое встретить врагов».

И мы даже подумали, что именно о Доре было сказано всё это.

Мы снова говорим сегодня о патриотизме потому, что ещё не везде и не всегда у нас понимают, что значит быть патриотом.

Иные думают, что достаточно человеку один раз сделать какое-нибудь полезное дело — и он уже получает право называться высоким именем «патриот». Другие придерживаются совершенно противоположной точки зрения: они утвер-

ждают, что патриотом может называться только тот, кто совершил на войне героический подвиг и кровью обессмертил своё имя.

Кто же прав?

Мы думаем, что и те и другие сужают понятие патриотизма.

Патриотизм — высокое чувство гражданского долга. Истинный патриот — тот, кто вдохновенно любит землю свою русскую; кто в этой вечной и горячей любви постоянно черпает силы для полезного дела; кто неизменно печётся о славе родины; кто ненавидит её врагов и готов пожертвовать всем, лишь бы в счастье жила его отчизна. И мало быть только преисполненным одним чувством патриотизма; мало одного декларирования своей преданности родине: патриотизм требует дела!

И того, кто не только на словах, а на деле докажет свою преданность нашему великому знамени, мы громко назовём патриотом.

Советский патриотизм — понятие реальное, осязаемое.

Когда идёт война, нельзя быть простым созерцателем событий. О таких людях М. И. Калинин говорил ещё в первые месяцы войны:

«...среди нас есть, если можно так выразиться, созерцатели. Но ведь сейчас нельзя отделяться только пассивными переживаниями... Сводку послушали, похвали, а сами пальцем не пошевелили для фронта, такому патриотизму грош цена. Нет, уж ты лучше не нервничай, но сделай всё, что в твоих силах, для фронта, для того, чтобы разбить фашизм».

У нас не должно быть созерцателей.

У нас не должно быть также людей, которые, сделав однажды полезное дело, готовы без конца говорить об этом на каждом перекрёстке, вельсички превозносить себя и свой патриотизм. Жизнь для фронта, постоянное действие и труд ради победы над врагом должны быть не эпизодом, а ежедневно донсывающейся странницей биографии каждого молодого советского человека.

Коммунистический союз молодёжи носит имя бессмертного Ленина. Великий Ленин учил нас: «Не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной Армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней вельсички, помогать Красной Армии всем, чем только может помогать каждый...»

Мы советские патриоты, и мы хотим победить немцев. Мы знаем: победа придёт сама собой и борьба ещё будет трудной. Но мы не пожалеем ни своих сил, ни самой жизни, чтобы желанный час победы наступил скорее!

ДЕВОЧКА С ПЛАТКОМ

Роман

Глава первая

В ПОДЗЕМЬЕ

Рис. Е. Ракина

Николай Чуковский

— Бомба никогда не падает два раза в одно и то же место, — сказал Павлик и вышел в парадную разрушенного дома.

Сирены ещё выли в дальних кварталах, но радио на улице уже смолкло, наполнив утренний сквозняк воздухом трюмным тиканьем. Дом был весь сквозняк, и через огромные пролохи в его стенах видно было белое бездонное небо. Наружка стена ещё держалась, но внутри была сероюная пуста. Павлик, робкая, почувствовал себя на дне глубокого колодца и на мгновение остановился. Высоко над собой выдал он широкий пролом в крыше. Остатки этажер располагались вокруг, как ярусы в театре. На этих ярусах, как на полках, расставлены были шкафы, столы, стулья, кровати, пенки, скатанные сидушки, малявники, слово кукольными. На уцелевших простенках, обклеенных разноцветными обоями, висели картины; ветер шевелил занавески на выбитых окнах. Все эти обитые вещи, казалось, были толпой что поинуты своими хозяевами, когда по углам уже кое-где лежали кучки сухого, колючего снега.

Крутом не было ничего, а между тем Павлик был почти уверен, что человек в коридорном пальто и сером картузе свернул с пальца именно в эту парадную. Куда он мог деться? Прямо перед Павликом начиналась лестница, странно убогая и странно висящая на в воздухе. Павлик, подумав, двинулся к лестнице. Чтобы добраться до неё, ему пришлось перелезть через несколько осьмающихся в гряд кирпичей и вставил, но он с лёгкостью преодолел их — прямой, темноватый, в свечей ватной шапке-ушанке, выданной ему в детском доме, и в коротком пальтишке, из которого он так вырос, что оно сидело на нем, как чурка. Добравшись до лестницы, шагнул он по ступеням вверх.

В это время уже была зенитка. Их стук, частый, настойчивый, нарастал, быстро приближаясь. Немецкие самолёты шли, видимо, к центру города. Это был уже второй набег за утро. Павлик продолжал подниматься. Некоторые ступени лестницы вывалились, образовали шлеи, сквозь которые видна была пуста. Павлик с трудом перебрался через эти шлеи, делаясь руками за обломки перил и становился на следующую уцелевшую ступеньку колоде. Он прошёл уже три или четыре марша, когда загорачилась зенитная батарея совсем рядом. Её громкий лай казался в чуждом доме особенно гулким. Лестница раскачивалась при каждом выстреле. Павлик выскочил сивалый гуд моторов. Он глянул вверх, в пролёте крыш, но самолётов не увидел, а увидел только разрывы зенитных снарядов, светлые, озарённые снизу солнцем.

По мере того как он поднимался, всё новые ярусы квартир открывались перед ним. В некоторых на них с лестницы нетрудно было перебраться, и Павлик в черешуе былостии

омялся, стараясь отгадать, куда мог пойти человек в коридорном пальто, за которым он следил.

Свет бомбы он услышал, когда стоял на площадке и пытался через пролом в стене разглядеть, что делается на дворе. Сквозь перпендикулярные пролохи он успел заметить только громадные кучи неба, доходявшие до третьего этажа. Вырва он не слышал, — но в том случае, потом он никак не мог его вспомнить. Его охватило наивное, и он работал ладоню о каменные плиты лестничной площадки. Однако он очень хорошо запомнил, что площадка поддалась куда-то вперед и вниз вместе со всей лестницей и кирпичной стеной, к которой она примыкала. Это было движение планое и не слишком сильное, особенно поначалу. Павлик продолжал держаться на площадке, пока она не стала на ребро и не уперлась во что-то. Тогда его свинуло с неё, протернуло, и он оказался на куче неба и мезко битой штукатурки. Он судачил попытку задержаться, ухватиться, но шею не успел, шевельясь под ним, как жидкой, и Павлик катился всё ниже и ниже по склону кучи. Потом он сорвался, полетел в пуста, а тамеяту и стукнулся обо что-то твердое.

2

Он очнулся, но не сразу открыл глаза. Голова болела: падая, он расшиб себе затылок. Его спасла ватная шапка, завязанная под подбородком тесемками.

Он открыл глаза. Лежал он на спине в темноте. Впрочем, прямо над ним была узкая щель, липнувшая к ребру ладони, сквозь которую видно было небо. Свет из щели падал ему на лицо. Он пожевал немного, потом ест. Пол был дощатый. Очень было злым. В толще было мутно, его слегка топило. Он пошевелил, пока прошла тошнота, и встал. Поднял руку и без труда дотронулся до щели. Тут, видимо, было отверстие, сквозь которое он свалился сюда, в пуста. Но отверстие это перекрывала широкая каменная плита, упиравшаяся в щель. Эта плита спасла его: он был бы засыпан и убит кирпичами и извёсткой, если бы она не легла поперёк отверстия.

Павлик уперся в плиту руками, но она не шевельнулась.

— Нет, здесь выли неба, — услышал он сверху.

Он обернулся. При слабом свете, падавшем через щель, он разглядел что-то белое. Девочка с головы до ног закутанная в большой белый шерстяной платок.

— А где моёго? — спросил Павлик.

— Нигде неба, — сказала она сквозь платок. — Рытвля и этой щели не было.

— Ты давно здесь?

Она подумала: — Со вчерашнего дня. Не знаю...

— Одна?

— Одна. Теперь будем вдвоём. Ты сильно ушибся?

Но он не ответил.

— Ты здесь и спала? — спросил он:

— Нет, я спала там, — сказала она и, вырва из-под платка руку, вымазала кулаком в сторону, в темноту. — Там много места. Вонбубебашки. Там было тепло. Там ещё и теперь тепло.

— Как же ты?

— А ничего. Хорошо. Тут хорошо. Хочешь изюму?

Она попарила у себя под платком, быстро протянула руку и насыпала Павлику в ладонь изюму, липкого, тёплого, согретого её теплом.

— Тут этого много, — сказала она. — Сколько хочешь. И сугарки есть. Сколько хочешь. Я тебе дамочка.

Изюм был сладкий. Она тоже ела изюм.

Они ели изюм и смотрели друг на друга.

— Как тебя зовут? — спросил Павлик.

— Эрна, — сказала она.

— Ты не русская?

— Нет, русская.

— Ты в эту дырку залезла? — спросил он, показывая вверх.

— Нет, этой дырки не было. Дырка сделалась только сейчас, когда упала вторая бомба. Ты свалился в дырку, и её снова засыпало.

— А как же ты сюда пришла?

— Я пришла через дырку.

— Вввв?

— Вввв.

— Её больше нет. Её засыпала первая бомба.

— Какая первая бомба?

— Которая упала вчера.

— Глупости, — сказал Павлик. — Вчера не мезко не бомбила. Вчера шёл снег и день был ледяной.

— Вчера, — повторила она упрямю.

— Первая бомба упала в этот дом не ввв, а в четверть, — сказал он. — Вчера была суббота. Так ты здесь с четверга?

— Может быть.

Он молча смотрел на неё, глядя изюмичку за изюмичку.

Наконец спросил: — Здесь было совсем темно?

— А я пришла и в свет беша, — продолжала она. — Я здесь всё находила. Хочешь, я тебе покажу?

Он пошёл за ней в сторону, во мрак. Сначала он кое-как различал белое пятно её платка, но когда они удалились от щели, нечего и она. Он только слышал впереди её голос:

— Сюда, сюда! Не ватнись. Тут нари. Видишь, как хорошо тут устроено: матрацы, одеяла... Как паров, правей! Вот тут дыра в

Павлик с трудом перебрался через щель, цепляясь руками за обломки перил.

следующее отделение, где я живу. Куда же ты Саша идешь?

Он шел за ней осторожно, вытаскивая вперед руки, спотыкаясь и натыкаясь на нары. Наконец по пальцам коснулся ее платка. Тогда она со скрипом отворила тяжёлую металлическую дверь.

— Здесь гораздо теплее, чувствуешь? — спросила она.

Действительно, а лишь ему дозволена влажными теплом. Он сделал два шага вперед, и она закрыла за ним тяжёлую дверь. Потом снова пошла вперед, беспрерывно болтая, чтобы он слышал её голос и знал, куда идти.

— Вот здесь тебе, обойди его. Там есть шамоты, но я их сейчас не хочу брать, потому что темно. Здесь тоже нары. Вот тут я и сплю, — видимо, она адела на нары, потому что голос её анувал отсюда-то сверху.

— Ты тоже найдёшь себе хорошее место, тут мест сколько угодно. А по стенам паровое отопление, но оно больше не действует. До первой бомбы здесь было совсем тепло, даже жарко, а теперь хорошо здесь жала.

— Ты здесь жала по первой бомбе? — спросил Павлик.

— Да, — сказала она.

— Ходила сюда прятаться во время воздушных тревог?

— Нет, жила. Три дня жала. Здесь было хорошо и никто не мог меня найти.

— А разве тебя искали?

— Неискали.

— Почему?

— Я убежала из дому.

— От мамы?

— Нет, не от мамы. Мама моя умерла. В Октябрьские праздники умерла. Мы с ней в августе уходили из Эстонии и она раз кушалась...

— Ну да, кушалась. Мы шли по морю караваном, и немцы бомбили нас. Одна бомба попала, и транспорт наш загорелся. Тогда мы первый раз кушалась. На нас были спасательные плоски, мы плавали, а «эсессы» стреляли в нас стрельби. Потом нас выманили из второй транспорт. Но ночью его тоже разбомбили, и мы снова кушалась. Нас вытащили на третий транспорт и привезли в Кронштадт.

— У него, а мама заблудилась. В Октябрьские праздники она в госпитале умерла.

— От кого же ты убежала?

— От отца.

— У тебя здесь в городе есть друзья?

— Да.

— Он обижал тебя?

— Нет, не обижал.

— Отчего же ты убежала?

— Не знаю.

— Не знаешь? Нет, ты, верно, знаешь.

— Ну, знаю.

— Отчего?

— Ей не хотелось отвечать. Она помогалась. Потом сказала:

— Мне кажется, он меня.

Павлик задумался.

— А как его зовут? — спросил он деловито.

— Василий Степанович.

— Глупости, — сказал он. — Немцы Василия Степановича не бьют.

Она снова тряхнула и проглотила её Павлик. Павлик приложил трубку к уху. Дальний гул донёсся до него. Потом он стал развешивать слова.

— Ястреб, Ястреб, Ястреб! — кричали в трубке Дуна, Дуна, Дуна. Ястреб слушает. Лейтенант Тарараракис слушает. Лейтенант Тарараракис... Тарараракис...

Павлик одел трубку Эри, и она повесила её на рычаг.

— Эри — не русское имя, — сказал Павлик жучи.

— Эстонское, — сказала она.

— А ты разве эстонка?

— Эстонка.

— Зачем же ты сказала, что ты русская?

— Потому что у меня мама — русская, а папа — эстонка.

— А где же твой папа?

— В Эстонии. Он там остался. Он партизан.

Она сказала это удивительно громким голосом. Рассердился Павлик сердились её.

— А ты кто? — спросила она ядру.

— Я? — удивился Павлик.

Он не знал, что ответить. Он никогда не думал о том, кто он такой.

— Ну, что ты делаешь? — спросила она.

— Я? Я воюю.

— Воюешь?

— Полно рачетчиков, — объяснил он, понизив голос.

Эри потытило умилка. Она помогалась немного, потом спросила:

— А у тебя мама есть?

— Нет. Сестра Люся.

— Большая?

— Большая. Ей уже восемнадцать лет. То есть она не большая, а очень маленькая. Мне тринадцать, а я уже большая её.

— Мне тоже тринадцать, а я живу тебя не никак, — сказала Эри. — Ты с ней вместе живёшь?

— Люсей? Раньше вместе жили...

— А теперь?

— Теперь она потерялась.

— Потерялась?

— Поехала рить своим потерлась. Но от неё всё равно толку было мало.

— Почему?

— Она влюбилась.

— Влюбилась?

— В летчика.

— Глупости, — сосасалась Эри.

Они опять замолчали. У Павлика болела голова.

— Здесь слишком темно, — сказал он токсично.

— Почему, я привыкла. Ты тоже привыкаешь, — сказала Эри небрежно, так как всё ещё думала про Люсю и про летчика. — У меня двоюродный брат — летчик. Его зовут Леша. Я его уже давно не видела, потому что видела ещё перед тем, как мы уехали в Эстонию, во время финской войны. Он сейчас, верно, знаменитый летчик; только я не знаю, где он. Когда мама летела в госпиталь, она хотела, чтобы Леша взял меня с себе, а я не хотела не дядя. Мама написала Леше письмо, но оно, наверно, не дошло... А где ты теперь живёшь? — спросила она внезапно.

— В детском доме. Я там не живу. Я там ночую и ем. Там стал совсем мало хлеба давать.

— А суп даю?

— Суп — одна вода, — сказала Павлик.

— Так ещё. Ешь супари. Отчего ты не ешь?

— Я больше не хочу. Я ничего тут. Пойдем отсюда. Здесь совсем темно.

Его тошнело от пригрозного шума, которого он слыл очень много. Его тошнело, ему было скверно. Темнота утешала его.

— Пойдем отсюда, — повела он.

Она вышла его из комнаты с телефоном, поехала к крылу и дала шипеть. Затем она опять адела на нары и предложила ему выбрать себе место для сна. Но он раздражённо отказался. Ей сердились, что она считала, что здесь хорошо. Ему здесь было скверно.

Он с отравлением вдалх в себя влажный воздух подземелья. В комнате с нарами было тоже темно, а темнота утешала

— Нет, здесь выйти нельзя, — услышал он слабо.

Его. Он сам вынул дверь и вышел в комнату, где была шелька на дюр.

Теперь ему показалось, что здесь совсем светло. Он остановился под самым шельмо, дыша сухим, морозным воздухом. Ещё раз нажав на плиту, закрывшую отверстие, и ещё раз убедился, что она совсем не поддается.

Сквозь шельку было видно ясное небо. Выслало в небо он заметил самолёт. Истребитель.

Самолёт был так высоко, что прошло несколько дольих секунд, прежде чем он добрался от одного края шельки до другого. «Итак», — подумал Павлик. Он ушел отвлечённо типа самолётов на шельку в высоте. Внезапно он с азвистью представил себе, как свободен в просторном небе летчик на том самолёте. «Быть может, это тот самый летчик, в которого влюбилась Люся?» — подумал он.

Глава вторая

РЯБУШКИН СОВЕРШАЕТ ОШИБКУ

1

А летчик, самолёт которого Павлик вывел сквозь шельку из подвала, звали Илья Рябушкин. Ему было девятнадцать лет, он месяц тому назад окончил летнюю школу в одном городке на Азовском море, получил звание старшего сержанта и прислал был а званию Балтийского флота на пополнение в эскадрилью капитана Расскоина.

Рябушкин любил летать. Не так уж много летал он в своей жизни. Ещё в инструкции полёт над городом считался криминалом, доставлял ему наслаждение. Ему казалось, что его машина сегодня как-то особенно ему послушна, и он с удовольствием заглядывал край взором, скрываясь подниматься к небу то один край дежажного вод ним городка, то другой.

Город лежал на островах между многих величаво изогнутых рек, через которые были

перекреты тонкие струги мостов; а за островами начиналась равнина замерзшего моря, золотистая, белая и голубая, как небо. Когда Рябушкин, отодвигая от себя до предела ручку штурвала, с высоты трёх тысяч метров низкоразлет почти вертикально к земле. Нева казалось ему степью бесконечных оврагов, огромной розой с нежными многочисленными лепестками, когда, заходящими, он подтягивал высоту, скорость падения, и подтягивая высоту, скрываясь подниматься к небу, он видел в течение мгновения толпы людей, заглядывавших снизу, видел даже обрившие в немую линию край, прилежательные и доверчивые, и редкое хмелье близости и благодарности в эту минуту незнакомому городу наполнял его.

Он любил летать; ощущение счастья и свободы никогда не покидало его в полёте. Но сегодня к ощущению счастья примешивалось

ощущение тревоги, беспокойства собой. Сегодня получилось как-то несладко. Дело в том, что, взлетев, он очень скоро растерял следы товарищей.

Вспомнил дежурный на аэродроме — Костин, Карякин и Рыбункин. Костин был командир звена. Когда вылезла дилота ракета — приказание дежурному звать взлётеть. — У Рыбункина не сразу запустился двигатель. На какое-то время взлётеть удалось, но вскоре товарищей и заставил их ждаться в воздухе. Он очень быстро пристроился к ним, и вместе вместе с ними, но чувствовал себя виноватым, а в этот же момент «Юнкерс» вынырнул к городу и уже ввели взорвал, над городом, разрывы зенитных снарядов. Вдруг Рыбункин справа и значительно выше себя увидел дым от выстрелов. Он выскочил на высоте довольно далеко, и их дально, узкие тела были едва различимы в золотом тумане. Рыбункин был убежден, что Костин сейчас разорвется и поведет их в атаку на «мессершмитты». Рыбункин вспомнил, как Костин любил повторять: «Я не жид, когда на меня нападут, я сам нападаю первый». Желая исполнить свою вину, желая показать свою любовь к удаче, Рыбункин сразу выскочил и «мессершмитты» и погнался к ним наперез.

Он усердно набирал высоту, карабкался вверх, выпарывая мотор до предела. Но очертания «мессершмиттов» становились все неяснее, различиями и скоро исчезли совсем. Рыбункин взорвался еще выше, свернул вправо, свернул влево, но обнаружил их уже не удалось. Они без следа растаяли в золотой дымке. Мало того, он понял, что потерял своих товарищей.

Куда могла деться Костин и Карякин? Только сейчас Рыбункин, к огорчению своему, вспомнил, что командир звена — Карякин не отдавал ему приказа атаковать «мессершмитты». Рыбункин пошел в эту сторону, оставив своего командира. Это был уже второй его проступок. Он не хотел, чтобы Карякин был так же, как и прежде, потому что в том, что долго не запускался мотор, он, в сущности, был виноват. Теперь оставалось только одно — найти Костина. Карякин же, что бы ни случилось, Чуть только равнина замерзшего моря потянулась под ним, как справа, на северозападе, он заметил самолет. Он сразу угадал, что это за самолет, и думал не по секунду, чтобы он был так близок к туману, а, вернее, по походу или бою его знает по какой причине, не разглядел, а угадал чутьем. Это был «Юнкерс-88». Рыбункин сразу развернулся и пошел к «Юнкерсу». «Юнкерс» стремительно выскочил перед ним, выплывая из тумана. Он шел на северозапад, к Филиппам, собравшись перейти между Кронштадом и Лисьим Носом. Рыбункин встал к нему с левой, за спиной Рыбункина было ослепительное море солнце, и в лучах этого солнца был невидим его самолет. «Юнкерс» шел несколько ниже Рыбункина, и Рыбункин начал сбивать набрав кинул. В стёклах появилась — Рыбункин уже смотрел на «Юнкерс» зреть пришел — он занял все больше и больше места. Только сейчас удержался, только сейчас отпустил тянущийся элемент. Но тут «Юнкерс» начал тянущий элемент и поспешил сворачивать вправо. Пора!

Рыбункин успел. Он поспешил его очередию сбросил с дистанции в четверть мили. «Юнкерс» стал крутиться на северную восточность. Из дымки его мотора вырвался чёрный дым.

Рыбункин разбил «Юнкерсу» левый мотор и пошел это. Но «Юнкерс» мог идти и на одном моторе. Он вырвался, доминировал, и в лучах этого солнца у него в воздухе, теперь Рыбункин видел перед собой не «Юнкерс», а сполз огненных бриз, бледных при солнечном свете, но всё же «Юнкерс» был прямо перед ним. Вспомнил стрелок, но «Юнкерс» был рядом с Рыбункину транспортирующими пулями, и Рыбункин круто сбавил шаг, чтобы вернуться из-под пулемётной струи.

Он отступил вправо и пошел на «Юнкерс» справа самолёт, со стороны самолета. Солнце снова стало его союзником. Стрелок с «Юнкерса» начал наугад, ослепленный Рыбункин шел прямо на «Юнкерс» и стрелок. Пулемётный огонь вырвался из-под Рыбункина убила верхнюю струю.

Он убыл верхнего стрелка, но «Юнкерс» продолжал идти, дымил левым мотором. Лисий Нос

оставался же позади; справа тянулось широкая дуга берега у Североречья. Вырвался следом пронизывающий солнцем дымку уже можно было различить голубую, словно плывущую в лебе пологую берега, заветного Филиппа. Там «Юнкерс» мог быть вост. Рыбункину осталось две-три минуты.

Нижний стрелок, вместе с пулемётном лежавший в дилоте, прикреплённый к нему, в фюзеляже «Юнкерса», был по Рыбункину. Рыбункин пошел в атаку на нижнего стрелка. Он перебил крепления, на которых держался дилот, с пулемётном, — она оторвалась от «Юнкерса» и упала.

Нижний стрелок замолк, но «Юнкерс» продолжал идти.

Эта живучесть прошлого «Юнкерса» вынудила Рыбункина на себя. Он наскочил на него сверху, сбросил, свалил, похолод у нему почти вплотную, и он отрубил «Юнкерсу» брызги, и оттуда посыпались потрошки какие-то брызги, палки, доски и болтались ржавинная шпилька, чёрная, с крестами по бокам. Но «Юнкерс» продолжал идти и с распоротым брюхом.

Он атаковал его сверху и прошёл длинной отрезком от мотора до хвоста. Возможно, он застрелит лётчика или перебил второй мотор: «Юнкерс» вдруг спустился нос и, медленно крутясь, пошёл вниз.

2

Рыбункин был так разгорячен боем и так взволнован своей победой, что совсем забыл о Костине. Он несся к городу, и горный «Юнкерс» стоял перед его глазами, как вдалеке. Но когда город снова раскинулся под ним, он вспомнил всё. Воздух вокруг был пустынен — ни одного самолета. И Рыбункин понял, что Костина не было уже. Самолёт Костина, безусловно, дивно уже на аэродроме а что он, Рыбункин, виноват и вина этой уже не исправил.

Горные подползли к концу, и уже оставалось только одно — идти к аэродрому. Но теперь, когда он был так безнадежно високат, на аэродром его не тянуло. Он несколько уклонился от прямого пути и пошёл влево. Немало калачина, за мотором, узкая берега наивысшей позиции немцев. Вил фронты всегда прилежал его. Но на этот раз на обоих берегах замершей реки было тихо. Смет засыпал земляные укрепления и сделал их совсем неприступными. Не зная, трудно было бы догадаться, что здесь стоят доты против друга дота армии, зарытые в землю. Диче артиллерия на этот раз молчала. Только заметил самолёт Рыбункина, немецкие зенитки дали несколько выстрелов. Но Рыбункин сразу набрал высоту, отвернул и пошёл напрямик к Ладозскому озеру.

Оно замёрзло, Ладозское озеро замёрзло уже полтора месяца, и, пока оно замёрзло, через него нельзя было ни переплыть, ни перебраться. Пока оно замёрзло, колёзно журчит ослепительного пугающего «Юнкерса» в непроходимых, так как путь, соединяющий его

род с остальной страной, мог пролетать только через озеро. Жители города уже слыли всё, что у них было захвачено, и без этого пути город не мог жить. Даётся он прокорчить город, когда скоро замёрзнет, а дается ли стоять единственный, последний путь, — этого Рыбункин не знал, этого же знал никто, но сейчас нужно было, чтобы озеро замёрзло.

Аэродром он видел, как навозил воевода — по холму, возвышающемуся над деревней. Лысыя вершина холма торчала над лесом. На самой вершине в омутном тумане и чёрной красноте, в тумане стоял дилот, и ослепительный светом, с брызжком и автоматом. Рыбункин, сбавая газ, пролетел над ним в нескольких метрах и увидел дилота, облекаясь подползли холма, как воевода, и ослепительное лесом деревенское поле, перебранные в аэродром. Он вынул шаг и, одевая над аэродромом крут, пошёл на посадку.

Стрелку у «Юнкерса» встал вопрос: к чему подбегает Рыбункин и почему ему вылезли из самолета. Рыбункин сразу заметил, что самолёт Костина и Карякина на аэродроме нет. Он перестал дышать и почувствовал, что сразу испуганно он понял, как навозил воевода — что оттого, что он потерял их? Он не мог даже думать этой мысли до конца: такой странной она ему показалась. Он хотел спорохнуть горю от этого, но не решился. Темпл был гораздо старше Рыбункина, горло сбитое и в то же время было его подчиненным. Рыбункин был самым молодым по всей эскадрилье, в глубине души несколько побаивался своего техника.

Рыбункин поднял очко, разглядел темплки шлема. Лицо у него было кривое, круглое, выжидательное. Приземистый, он в своём синем-позитом уютно комбинаzione казался грузным и неуклюжим. На ногах у него были мохнатые унты из рыжих собачьих шкур, очень тёплые, но мало приспособленные для ходьбы. Передаёт самолёт технику, он медленно пошёл по снежной тропинке к командному пункту.

Землилка командного пункта была зарыта на склоне горы. По двум наклонным склонам, на которые были набиты поперечные планки, чтобы ее скрепить, шли, Рыбункин спускался в нижний, сумрачный коридор; в конце коридора он толкнул занавеску на мраморную войлок двери, которая была так тяжела, что даже ему, при небольшом его росте, пришлось нагнуться, чтобы войти.

Землилку командного пункта лётчики называли «аэродром», потому что в ней были нехитры комнаты. Селеза от Рыбункина, за дощатой перегородкой в крохотной комнатке, заполоненной телефониями, помещались оперативный дежурный, громкий голос которого постоянно заполнял всю землицу, а справа, за дверью, была комната командира и комиссара эскадрильи.

— Ну что же, Рыбункин, входи, входи, — услышал он знакомый голос.

«Входи здесь» — подумал Рыбункин. Батей лётчики называли капитана Рассолина — командира эскадрильи. «Ну всё равно». Он шагнул и остановился в дверях.

(Продолжение следует)

Город будет жить!

Больше трёх месяцев пробыл злодеем Питаний Демидов на Воронежском фронте. Он видел страшные вещи, невероятные Воронежскую отступающую армию: взорванные здания, сбитые роины, сожжённые кварталы. Он видел, как возвращаются жители в освобождённый город, берутся за лопаты и молотки.

Возвращённый и дивный Воронеж является с калдым дымом, и врандиз художника елва посвелев за белым диван. В этом номере «Сельва» мы дым несколько зарисовок на походного альбомы В. Демидова.

Улицы Чайковского. Вот что осталось от здания Воронежской филармонии. Турбо танки и танк разорваными танковыми ядрами, прорывающиеся рыльях и балках очерчения прекрасного зрительного зала.

Путь на родину лежит через бой

Беззащитный полковник И. Свобода, командир чехословацкой воинской части в СССР, в корреспонденции «Смена»

В памяти всего человечества долго будет жить трагедия маленькой чешской деревни Лядице, жестоко сметенной с лица земли, но не покорённой Гитлером. Гордо сердце великого чешского патриота Яна Гуса билось в груди каждого горняка Лядице. Сказанные ещё в далекие времена средневековья слова Гуса «Правда победит!» до сих пор служат путеводной звездой для чеха и словака, не пожелавшего склонить голову перед немецко-фашистскими оккупантами. Эти слова вытканы и на знамени нашей части.

Только место может быть единственным ответом на все злодеяния немцев, пеработивших Чехословакию. Поэтому чешская и словацкая молодежь всегда мечтала о совместной борьбе с Красной Армией против нашего общего врага — гитлеризма. И когда была сформирована добровольческая часть из чехов и словаков, проживающих на территории СССР, то оказалось, что она почти полностью состоит из молодых сынов свободной Чехословакии.

О том, как встретил себя эта молодежь на советско-германском фронте, свидетельствует подвиг надporučника Оттояра Яроша.

Противник наступал. Наша часть получила задание вместе с соседней гвардейской советской частью остановить врага на рубеже реки. Форпостом на западном берегу служило село. Оборону его и я поручил Оттояру Ярошу.

Первый атака фашистских танков была отбита, но врагу всё-таки удалось прорвать нашу оборону. Село запылало. Единственным нетронутым зданием оказалась школа. Вокруг неё Оттояр Ярош приказал занять круговую оборону. Как разъярённые львы, дрались наши бойцы с танками и автоматами врага. А когда стихло, Ярош вызвал меня к телефону:

— Танки со всех сторон блокируют школу.

Я ответил:

— Стойте на жизнь и на смерть!

И она стояла на жизнь и на смерть. Раненый в голову, Оттояр расстрелял немцев из автомата. Пуля пробила ему грудь.

— Вперед, за свободу Чехии! — кричал он, теряя силы. Кровь хлынула горлом. Оттояр бросился вперед и погиб под гусеницами вражеского танка.

Рассказывая о подвиге молодого надporučника, я всегда вспоминаю: немцы хвояничать по на-

шей родине. Они радовались старшей Пражский университет — гордость и сокровище мировой культуры. Наши библиотеки сожжены; разрушены дома и школы. Тысячи сверстников Оттояра Яроша томится в тюрьмах, угнаны на фашистскую каторгу. За всё это ответственны враги Ярош. За всё это мстят немцам и его молодые друзья.

В одном из боёв, когда наши пулемётчики ожесточенным огнём сдерживали натиск противника и усталили немцев, труднее удержать огонь, на строя выбыл расчёт противотанковой ружья. Немедленно к ружью лёг заместитель Яроша надporučник Ярослав Лом. Два танка двинулись на него. Первый был подбит Ярославом, второй раздался героя. А из-за разоруженной стены всё летело и летело наши смертоносные пули. Вот упал один немец, за ним — другой, третий. Семь немецких автоматчиков нашли смерть под рукой ефрейтора Иосифа Черны. Когда приблизился вражеский транспортёр, противотанковая граната Черны настала ещё труднее немцев. Вой продолжался, и каждый из нас был поврежжён на своём посту.

Советское правительство по достоинству оценило доблесть юношей, о которых я только что рассказывал. Первому из зарубивших немца зашири Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» было присвоено надporučнику Оттояру Ярошу. Орденом Красного знамени награждены Ярослав Лом, Иосиф Черны и другие.

А наши девушки! В метель и мороз, в длительных маршах и тяжёлых боевых условиях они ни на шаг не отступят от мужчин, ни на секунду не теряют бодрости духа. В прошлом студентки, служащие, дочери заботливых родителей, учительницы в Праге, всеёлой Британии, шумного Брюно, они сейчас позабыли, что значит усталость и нервы. Единственное их желание — безотказно истребить немцев, спасти жизнь чехословацким и советским бойцам.

Оддажи немцы обнаружилки, где находились наши командный пункт, и он был немедленно передан в другое место. На передовой линии, у старого коммутатора, осталась лишь одна телефонистка — Билеферова.

Артиллерийский огонь, шквирующие самолёты, мины — всё это мгновенно обрушилось на место, где находилась Билеферова, но поврежжён только и звонок её голос. Можно с уверенностью сказать, что девушка осталась жива только чудом. Страшную картину разрушения представлял собой после налёта наш бывший командный пункт. А Билеферова поврежжённа сидела у коммутатора.

В нашей части есть воины — Мария Ляжкова. На её груди сверкает орден Красной Звезды. Я думаю, как, готовая идти в наступление, командир сказал Ляжковой:

— Останься!

— Не могу, — ответил Мария, — не могу. Я должна быть с вами.

И она пераправилась в населённый пункт в я бою сразила четырёх вражеских автоматчиков.

Медалью «За отвагу» награждены наши общие любимые — Птачка и Пилшова. Я не раз видел Анну Пташкову в бою. Одновременно неприятель

открыл по нашей и соседней русской части сильный миномётный огонь. Кто-то крикнул: «Свиртара сюда!» И Анна Птачкова, как птица, выскочила на вой. Не обращая никакого внимания на опасность, она отгнала в укрытие двух русских танкистов, оказала им первую помощь и снова бросилась на поле боя. В этот вечер мне повзник командир советской танковой бригады и просил передать благодарность Птачковой, спасшей жизнь её возлюбленным.

Немало раненых вынесла из-под вражеского огня и Анна Пилшова. Сама она была тоже ранена и, находясь в госпитале, всё время рылась на фронт. Сейчас единственное, о чём сожалеет Пилшова, — это то, что лично ей не удалось убить ни одного немца. Она хочет мстить, мстить врагу и за Лядице и за замученную, развалившуюся фашистским салогом Прагу, за тысячи своих сверстников, томившихся под пятой немецких оккупантов.

Мы идём в бой и поём песню:

«Да здравствует Чехия и Словакия,
Да здравствует Прага и Москва!
Где бы вы ни были, геранцы,
Мы вас повсюду найдём,
Мы за вами до самого Берлина
С мушкетёрами пойдём!»

Мы идём в бой и воспитываем «Права победит!» В это глубоко верит каждый воин и командир чехословацкой части. Снова поднимет голову свободная и прекрасная родина наша Чехословакия. Мы вернёмся в счастливую, гордую Прагу. Но каждый из нас знает, что путь на родину лежит через ожесточённый бой с врагом. И мы счастливы, что участвуем в этом бою.

Иосиф Черны

Аппарат установлен. Сейчас молодой телефонист Курт Маркович передаст приказ командиру на батарею (смотрим вверх). На левом снимке — его боевая подруга, ефрейтор снайпер Мила Ляжкова.

1. «Кто сказал, что летать — не женское дело?» Эти слова как лозунг и шутливую угрозу часто повторяет гвардии лейтенант Наташа Меклин, всеобщая любимица и полетесса, своими боевыми подругами — лётчицами, штурманами, техниками. В тёплые кубанские ночи на верных «уточках» — лёгких бомбардировщиках «У-2» — эти девушки несут к логову врага вступившую в авиабомбы смерть.

ПЕСНЯ ДЕВУШЕК-БОЙЦОВ

Вас. Лебедев-Кумач

Что ж, товарищи девочки,
Воевать, так воевать!
Нам от друзей и от братья
Не годится отставать.

Руки крепки, сердце смело,
Меток наш лукавый глаз.
Трудно воинское дело,
А привыкнешь — в самый раз!
И смелка и споровка —
Всё у нас, подружки, есть.
Бей, зенитка, бей, винтовка,
Постоим за нашу честь!

Постоим за дом любимый,
Где родились я и ты,
За простор земли родимой,
За любовь и за мечты.
Пусть, кто любит нас, усамнит,
Как мы смело ходим в бой,
Пусть оч с гордостью напишет:
«Здравствуй, милая, герой!»
Пусть и дети и внучата
Будут песни распевать,
Как ходили мы, девочки,
Против немца воевать!

2. ...А самолёт разведчицы, пока она докладывает о своих наблюдениях, уже готовится к боевому полёту. Проверены бомбодержатели, сейчас будут подвешены фугаски.

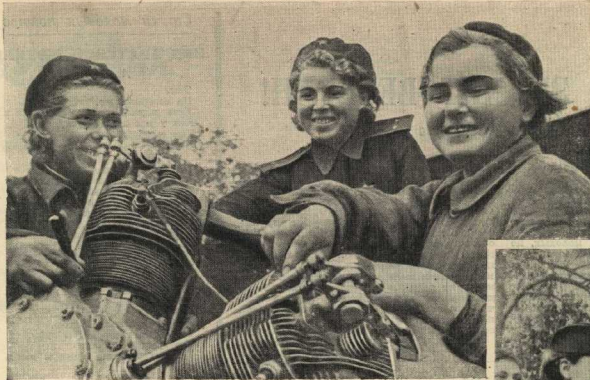

↑ ...Только что гвардии старший лейтенант Аня Еленина (на снимке справа) вернулась с разведки. Она докладывает о полёте гвардии старшему лейтенанту Ракобильской, неизменно заканчивая каждую фразу любимым словечком «точно».

5. Разведчицы и див. лейт. уцая сое

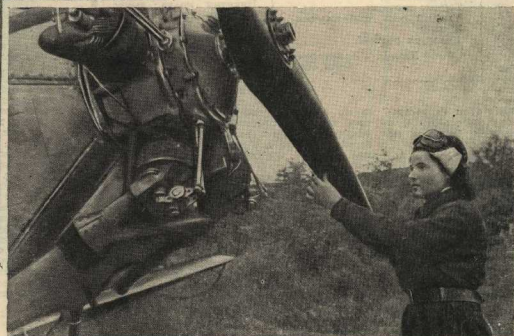
3. Это люди умелых рук и придирчивых глаз. Ни один самолёт не подымется со стартовой дорожки, если его перед полётом тщательно не осмотрели гвардии техник-лейтенант Зина Радина, гвардии техник-лейтенант Духа Коротченко и гвардии старшина Шура Попова (слева направо).

кий отдых — время прогулок, звонких песен и декретов. О чём шепчет штурман Женя Руднева гвардианту Наташе Меклин, сказать трудно. Даже сидя рядом капитан Карпунина не знает этого.

Фото Б. Цейглица

4. — Заслужила — неси, — говорит гвардия майор Евдокия Бершанская гвардии младшему лейтенанту Анастасию Поповой, прикрепляя орден Отечественной войны II степени на гимнастёрке отважной лётчицы.
— Служу Советскому Союзу! — следует краткий ответ.

5. Хорошо по вечерам в кубанской степи! Хорошо, потому что разрешён вылет, потому что через минуту ровно застучит мотор, потому что скоро на гитлеровских самолётах обрушится смертоносный груз.

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ВЕТЕРАН.

Полховник М. Люцковский

Хранителями героических традиций в русской армии всегда были старшие опытные солдаты, передававшие молодым свои навыки, споруюку и поддерживавшие честь своего полка, полн значением которого они сражались долгие годы. Опытности и спокойствие старых ветеранов часто помогали в трудных случаях, ободряя молодых, не повидавших ещё в сражении солдат.

Однажды во время боя 18...1917 годов, заметив обходной маневр противника, молодой офицер, егоявший со своей ротой на отдаленной позиции, возмущаясь, громко сказал: «Мы окружены!» «Ну что ж, пробьёмся!» — солдаты громко ответили старому солдату, стоявшему сзади. Спокойный ответ бывшего ободрил офицера, и, несмотря на окружение, рота штакама пробилась к своим. Опыт старого солдата, его спокойствие вселяли уверенность в боеполучуки исходе боя и подкаляли правильное решение.

Русские полки всегда гордились старшими опытными солдатами, украшенными боевыми наградами. Народ уважал их, с почтением обращаясь к героям, называя их «служавыми» или «кавалера».

Суворов, воспитавший солдат фелачица, кто то был храбр, дано служива в полках, и не только знал их по имени, отмечая, но и сам давая им прозвища, которые солдаты носили всю свою жизнь. Подъехав как-то на поезде в Польше к Азовскому пехотному полку, Суворов сказал командиру роты Харламову: «А что, Фёдор, где Миша Огонь-Огнив, где Сокоя, где Орёл?» «Здесь», — ответил Харламов и позвал их.

«Заряны желаем, отец наш Александр Васильевич!» — сказали гранатеры, вступившие вперёд.

«Здорово, братья. Мы богатыри. Вперя и видел, как вы выстро, славно колами воевали. Помню: аут бог, знаешь, храброй, один на десятирык. Ты, Михайла, бову Огонь-Огнив, а ты (обращаясь к Ворону) — Сокоя, а ты (Полубову) — Орёл!»

Суворов никогда не пренебрегала опытом старых солдат. Он говаривал, что полезно стараться у старослужавших, под чьим начальством они хотит воевать; они не ошибаются в своих начальниках.

Однажды надо было отрядить для поведеия на противника два батальона. Суворов подошла одного из служавих спринтер за кинжалом товарищей, с кем бы они хотели поребаться. Все назвали фамилию одного и того же офицера, зисмотревши на то что в полку были только и слышно его по службе и в кавалерии по опыту. Суворов исполнил желание старых солдат, и дело успешавло успешно.

Как часто опыт старых солдат помогал в самых трудных случаях, видно из такого примера. В сражении при Денисове, в 1813 году, в кавалерийской атаке участвовала штаб-ротмис Изюмского туловского полка Ермаков. Командир противника бива веруванна на дикими русскими гусарами. Ермаков остановався после атаки, осматриваваясь кругом и ожидая прихода командира полка, за которым он следовал. Виславая Ермаков заметил, что в пшав, в дыму сверкают сабли, мелькают суланы и мушкетеры французской кавалерийской колонны. Она шла с тем, чтобы, повалуясь обычным бестерпением поос атаки, скрытно атаковать Изюмский полк. Старый солдат решил действовать: повнявшись на стременах, он затрубил сигнал сбора, собрав и построива присоединившихся к нему гусар, выхватил саблю, занюнул трубу за спину и крикнул: «За мной, в атаку!» Сбравшиеся гусары веруванна в коловну врага вселоз в Ермакова. Они задержав продвигание противника и тем самым позволав командару полка собрав в остальные складарные отрядить наступавшие французы.

Старые солдаты были образцом выполнения воинского долга и приис. Както в 1890 году враги захватили в плен солдата 21-й артиллерийской бригады Атафана Пелетина. Обавая несколькоми трофейными пушками, захваченными у наших войск, противник хотев заставить Пелетина показав, как нужно пользоваться ими. Никитин вперез, отказався выполнять это требование. Тогда враги стали бить его палками. Никитин молча вынес это истязание и снова отказався учить стрелять из русской пушки. Ослабевшие враги связав Никитина, разув его и положиав ногата на горящие угли костра. Он выдержав и эту пытку. Вконеч ослабевив, враги содрала с него кожу и постепенно отрубав ему пальцы, а затем и голову. Старый солдат героически вынес все мучения, но не изменил присяге. Он умер, вернувшись до конца воинскому долгу. О подвиге Никитина было объявлено в приказе во всей армии.

В жестоких боях с немцами, которые мы ведём, опыт старых солдат, прошедших перузу аяропу и гражданскую войну, особенно ценен для молодёжи. Старые солдаты, носители боевых традиций, являются как бы живыми знаменами, напоминающими о славноком прошлом.

Старые солдаты демонстрируют, скрепяют поак, превращают его в боевую семью, которая не боятся никаких невзгод и перенесёт любое испытание. Вот почему старослужавым молодым юнкам: «Никните и бергите староро солдат!»

МОЯ РАНА

Петррус Бровка

В бой ходила я не раз,
Как ушла воевать,
И бываво токою,
Что думал не жить.
Боевыи раны заживаво,
Вострой вернулася опять.
Только раны одной
Не могу зажитьути.
И она бы прошла,
Амих привинкует
К родимой вилнице
И чепети владочевой,
Что меня
Не оставляет на раз,
Надмываваясь бы чобором,
Алуговой мелунишей,
Курским испид Манюком
Хословым
Который изд Манюком
У яе.
А лекаретвом иппам
Ни за что мне
Не вылечит раны.
Да, детеря неустанно
Я знавет ямичем думской ойной:
Вместе с солдцем вставшим,
По кровосем
Трупанм погнвмам
Каждый день приближавлет
К моему
Белорусу ровному!

Перевел с белорусского
Юрий Бендик

Там,
На северозападе,
Есть деревушка Ложины,
Как у нас в Беларуси,
Там и ворбы растут
И рябины.

Там кавалер-рома,
Потрясающая бомбой футанной,
Там юнцы-белоруссы,
Что голыча често славожам,
Ничи саблы стелдятся
Суровым выжвож и касок
Над могилою братской
За русской деревней — Ложины.

Мы не плачем,
Хоть знаем,
Что на заросто останки героя
Мы хороним,
А больше что-то
Заслуживаво только слезро,
Заслуживаво глаза мы и губы,
Что тропотню жалю,
На которых ещё поелули дети
Не огелам!

Хотя принимаю,
Как смяовой,
С материнскою лаской
И гордостью
И Песок их
Но просят, просят глаза
Полесской землей
Коту горчичку.

Только тебе её ваять?
Ведь, когда Беларусь покидаю,
В путь-дорогу с собою они
Менючовые с землёю
Не брама...

Что им горстка земли той?
Ты все им, отвежая, коловани!
А в дорожном мешке
Уместит тебе вез
Невозможное,
Полубрав в дорогу забрать
Те роши, поам и кринины,
Те пучки, что смолоту ещё
Амиш в сердце твоём уместится
Твоя простор шереку наши лежи,
Но хотят они монумент просторо
Лучше честным песком
Покрывать глаза,
Жит... малюскаго горчичкой
Жит...

...Беларусь, моя родина!
Как я рывус ещё раз
Вез пошхом тебя измерити.
Весь твой и чобер и верески.
Сколько просят большого пути,
Чтобы тобой, бескрайною,
Изти.

Хочу знаглатывавая втра
И украинских связавих юнгов.
Хочу наглатывавая втра
За себя и за тех,
Что больше уже
Не встанут.
Вобое восток просят глаза,
Им азыру твоей
Не хватат.

Мы друней зислёмем земайе —
Ленинградцы, татары, узбеки,
— Кровью ирвож
Нипотит белорусские реки
Мы кавалер! Мы салят отлабам,
Мы не плачем —
Кручина белгаста.
Ничи саблы стелдятся
Суровым выжвож и касок...

Перевел с белорусского
Николай Берендиф

УКРАИНА

С. Гулякко. Рис. В. Цельмера.

Я до войны покинул этот край.
Провиант...

И мне тогда казалось:
наш южный говор,
наш базарный грай
копчались за киевский вокзалом.

Вчера пришёл из Киева Землик.
Он обгладил на площади Богдана
лемердой кровью медовский тесак
старинного полтавского чекана.

Он рассказывал,
что немцы на кресты
срубали там окаяни и алёны.

...Как далеко летные плоты
и газонный говор платонгоид!

Мы ночь проговорили до Днепра,
о пристанях до самого Херсона.
И куратор припомнил за зари
и голосом торжественным и сонным.

Встают косматые откосы,
Обрывы каменной земли,
Чернобородые матросы
Из бухт выводят корабли.

В руках мелькают карабины,
Багры и крючья входят в раж.
Дубовый корпус бригантини
Охватывает абрордаж.

Крутой романтики наследствю!
В морской простор от пыльных книг
Упрямю выплывавший с детства
Привисел нас крылатый бриг.

И снова гордый флаг державы
Недосытаемо высок.
Хрустит на побережье рыцарий,
Волной залезавный песок.

Я жил там год,
там съел и самосал.
И, кашляя от горьких самокруток,
мальчишка уделяются:
висит
шелка язд нивий,
согканные круто.

Землик собрался.
«Знаюат, через день
я споза в Киев,
Что сказать Богдану?»
Земляче,
никогда, скажи,
ведде
я мотить за Украину не устану.

Трава

Я не хотел опить о травах,
но так всегда,
когда живу в Москве,
я на веделью получаю право
пикать слова
о ветре и траве.

Ведь я в апреле снегов просеваю
цветные аблази,
и живальные трава.

Я опоядал к последнему трамваю.
Бродить по Москве придётся до утра.

Случайно
в палисаднике на Бронной
увидел пяташко, травы,
и мне
его руками захотелось прощуть,
как мальчишку винтовку на стене.

Действующая армия.

Генерал

Г. Попов

Когда бы знали за рекою,
Что здесь, на этом берегу,
Идёт не трактор, не тропею,
Идёт по целине, в снегу,

Один идёт, на встречу ветру,
Спокойный русский генерал,—
То берег здесь, на сотни миль,
Снавалы бы орудиный вал.

Но нам, во вражеской траншее,—
Там не могли об этом опать!
Солдаты говорить умеют,
Они умеют и молчать.

И генерал, слегка сутулясь,
Шёл по долине не спеша.
Порою вняг случайной пуми
Хвостал протяжно по душам.

Порой справл... Но разве можно
О смерти думать в этот миг —
Приказ был дан. И замира гроизд
Здесь тайки грянут вопреки!

Действующая армия.

РОМАНТИКА

М. Дубин

В диму косматые откосы,
Обрывы каменной земли,
Встают безумные матросы
И оставают корабли.

Они проходят сквозь рывины
Почти в упор на абрордаж,
В руках мелькают карабины,
Багры и крючья входят в раж.

Былой романтики наследствю!
В пожар, в огонь от этих книг
Упрямю выплывавший с детства
Его несёт крылатый бриг.

Но он прошёл сквозь это агоний,
Из камня сбитый человек.

И вот опять его ладони
Сухой ошущивают снег.

И он пройдёт любые дёбри
Неперевытаивных томов.
Уже зарюку лезут стелбли
Ещё невзданных цветов.

Уже шнел, асёлый запах
Привнесит новая зари.
На неуслыханных чёрных лапах
Ползут на берег якори.

Так выходи, живое слово,
На-карагут солдатам стани!
И обмань, как штык, сурово
Свою отточенную транш!

Чтоб солнце пылю сквозь туманы,
Чтоб в зебе — молния и гром,
Чтоб все земные окошны
Всю ночь ходили ходуном.

Живи, пока в душе и флаге,
Неиссякаем и гудяч.
Земля прошевелит стани,
И от друзей его не причь.

Ленинградский фронт.

сечье это холмик служит укрытием для его небольшого готового к ползанию окопа.

Это онемев трупом — лежать без движения в то время, как по тебе стреляют, никак не отвлечься и только отчитываться. Стрелки часа показывали семь. «Наверно, нам часа остались минуты на две», — подумал Андрей, чтобы обмануть свои нервы: «— и, значит, надо еще завистись вражеской. Но то же, что и прежде до начала сражения додетел как бы отдаленный барабанный бой. Андрей сразу угадал, что это ударила через мышь наша артиллерия.

Немцы сразу уловили. Теперь работа только была артиллерией, точно сотни выстрелов были до высоты таежных холмов. Уже высота была покрита ртутью рязаной, а потом отдаленные стволы этой рязаной воле сплывали, слышно слышало чужую ступню и топот. Это гремел голос какой-то возмездия, это был шум самой земли, которая, сопротивляясь от ярости, сбрасывала в себя кору чужих укреплений.

«Когда показались на овраге три танкиста, цепь, Андрей совершенно не думал о грозившей людям опасности, а ждал только, что они незастаточно быстро бегут. Он останавливался взглядом то на одной, то на другой фигуре и мысленно прикасался к желтой камне над снегом... это брусчат трашея. Андрей уже готовился связаться со своим командным пунктом с места и вернуться в Бухту Ключей на карту так передвигаясь, выключив некие вкорм транспорсуемых пуды, и уже потом доделаты звуки пулеметных очередей, как будто кто-то горстями бросил на камия дробь. Танкисты отступились к оврагу. Андрей посмотрел на часы: десять. Прошло уже три часа — и никакого успеха. Андрей составил доносение: «Противник оказал сильное сопротивление, атака захлебнулась, прошу подвинуть окоп отягачею танков. Ориентиром послужит... Рядом упрямился очень быстро. Это был опытный работник, не напрасно его доставили в армию и сбросили с парашютом. Андрей ответил на доносение: «Ваша работа чрезвычайно важна. Категорически предлагаю решительно воспользоваться обстановкой и овладеть Большими Ключами.

Ровно в одиннадцатый назвали повторный, прастрающий тул, как будто идяи тою тою передель горы, и вслед затем высота точно окаяла, гребень её зашевелился, чейный вал стал подыматься, а земля зашевелилась бесконечно. Андрей боялся, что этим залом вместе с противником будут уничтожены и его люди в овраге. Но нет, опять появились из оврага цепь и с прохвией решительностью устремились в атаку. Андрей посылал бойцы доставлять немецкий трашея, но воледе затем опять удивительным образом ожили немецкие пулеметы, явлов цепь была прижата к земле. Андрей написал в доносение: «Вашелось на немецкие укрепления, веду бой в траншеях. Да, он всё бой, но счастье всё явственной клопосе в сторону противника. Цепь вновь была сброшена в овраг, и разрывы гранат в траншеях Ориентирных. Стрельба довелась теперь далеко из-за холма, с болот. Там сражались бойцы генерала Полозова.

В четырнадцатый сверху поступила радиотграмма: «Андрей не узнаю, сдала ли тебе башка. Мертвец один. Ноль — один был генерал-майор Полозов.

Какой стыд! Андрей решил вышвырнуть свой командный пункт вперед, он хотел сам понести цепь в атаку. Он стал выдвигаться передовыми, а за ним — проволочными ангажи. Немцы сразу же засела его и стали бить из минометов. Когда Андрей перебежал по склону холмика, разрывы мин надолгивали его окопчик. Он стоял там, на комках осмывающей глыбы, пригнув голову. Страха смерти не было: была только досада на то, что его задерживают. Настоящий Андрей верил в свою неуязвимость, что ему спускались в атаку. Он слышал шипение рожков, но не переставал перебежать к нему, хотя тот сидел в таком же окопчике. Иван Ивановым было всё растерян, он помял досаду о том, что Андрей остался в траншеях, и выдвинулся вперед, в сторону холма. Андрей разломил её пополам, и они стали жевать хлеб, и прочем, совершенно не сознавая его укуса.

Немцы утомлялись, наконец, и Андрей одним броском достиг оврага. Андрей сразу понял, что битву он выиграл, сразу, как только поднялся из-за брошки оврага, как только сделал десятков шагов. Крутящийся снег уже зачерствел на вершинах холма, и под него скопилось, и последние пятнышки проваливались.

В траншеях шёл гранатный бой. Немцы стреляли по атакующей цепи лишь отсюда-то с фланга. Шлепели пуды. Как будто кто-то сжимал пальца-

ми проводил по струнам, и струны попискивали то длинно, то коротко, то далеко, то близко. Порой раздавались дурное жуужанье, будто провели по толстой гитарной струне, это летели пальчачи-пуды.

К тому времени, когда цепь добежала до траншея, там уже все было кончено. Иван стрелял из немецкого пулемета в направлении какого-то дома. Где-то высклакивал из холма сообщения и пытались убежать немцы.

Из отдаленных окопов ещё стреляли немцы, уцелившись огнем слева, из здания — там, где, выходя, оставались, кто убежал. А партизаны уже общивали поле боя, и Андрей каждую минуту сообщал новости. Иван Ивановым нашёл в траншея мёртвого майора Шибле. Андрей приказал вынуть его, и в ту минуту, когда он вынул, это было ему интересно, он слишком устал и наволаговляя в этот день, да и были у него более серьёзные заботы.

Андрей прошёл по полю боя. Вскоре вылезли мёртвые немцы. Большей частью они лежали на спине, протянувшись к голове подполусогнутые руки. Все они были длинноногие и упитанные. «Разрешите карточки из лёгких карманов!»

Он вышел к глубокому котловану. Снег на её склонах был измазан глиной. Видно было, как карабкался по этой крутизне партиями штурмовой группы. На дне котлована стоял дерзкий старик в шубнике и мелкими, бессильными ударами лопаты добывал лёд по краям рва.

— Ты что, отец, прыгал так добко? — спросил Андрей.

Старик обернулся, опухшим и проговорил с расстановкой:

— Нет, сынок, широго я не прыгал. А добывал и жевал воду. Немец-то заставлял нас брать воду с озеродов, на ям, и тут вода навалилась на меня старость. А у той воды сильная. Вель до самого Чёрного моря бежит, ты слышал ли о том? О чём-то поговоришь ещё немца, но не забудь, а около рывка на колени, поддел лопатой и выбросил на лёд консервную банку с нерусской надписью, перекрестил рывки и стал горестой шип воду.

Андрей повернулся, чтобы идти к деревне, и слыла не споткнулся о тул Хуостоянского.

Осколком Хаюостоянского разорвало грудь. Он лежал на спине, голова его запрокинулась, а окопчике, абы его были осмывающие мёртвые глаза открыты. У окопчика стояла на коленях женщина, подбубежная от какой-то своей трагедии, о которой до сих пор её не спросили, и принята, подвала и утонула в воде.

— И немцу же было придержать твою голову, да и немцу было закрыть твои окопчики глазницами!

Андрей сделалось стыдно от того, что ещё малюту назад он думал о Хаюостоянском немчоро.

Иза развалин каменного дома неожиданно вылез зелёный бровиком. Помогая себе вставать, выдел майор Полозов, меланетный генерал-майор Полозов.

Генерал шёл к разбитой зенитной пушке, на ставке которой висел мёртвый немец, но Андрей окликнул его. Он обернулся.

Мог ли он узнать в Андрее того долговязого юношу, который год назад попал к нему в алычуготы? Юношу, который так безжалостно пригласил, а затем сам делал, а воевал ещё координате после училища, потому что ему не терпелось поскорее выдуть на своей голубе прыскачу! Худой и остроуный юноша, бывало, таранил свои полные заблуждения глаза, всегда имел в виду лицо человека, который много видел и был порассказат, но который много и пережил и поэтому стал молчаливым. В его алычуготных, невид, точно уже наделался спросить о чём-то, что оставляет для него загадку.

А теперь перед Полозовым стоял мужчина с широкими, несколько обвисшими щеками, уставшим взглядом. Лишь в самом начале, когда было лицо человека, который много видел и был порассказат, но который много и пережил и поэтому стал молчаливым. В его алычуготных, невид, точно уже наделался спросить о чём-то, что оставляет для него загадку.

Полозов сперва увидел, что перед ним командир партизанского отряда, а уже потом понял, что это Андрей. Он сразу же забыл о нем и нехотел, чтобы он обратил на расстояние вытянутых рук, а уж потом обаял.

— Что, снова ко мне? — спросил генерал, опять взяв его за плечи.

— Генерал, поздравляю с отрядом здесь, в восток, — поприветил Андрей.

— Это что же ещё за исток?

— Исток Больших рек.

Вспомнив, что алычуготы его мечтал бы так

В ДЗЕСОТЕ

Яков Хелмеский

Сегодня в ночь просторен дуют И зреть и пригнать струж к земле. У забарыши пулемёт? Стоит на стружном столе.

Настя бременчатый тяжёла — Трёхбайный шит над голозой. И ты — подонный новосёл — Сметь осматривать свой.

Тут пахнет глиной и сосной И танет стружою со дня: Вероятно пригнать весной Земля — четъ таежбе — холодай.

Здесь, хорошо бы затопить Хота Б неспирит хомеяма И, обожавши, жедно шить Из модной арычуготы калиток.

Метелью пробужденных плещ С востока наблюдает драк. И далеко крохотный вымок Тебя бы выдать немцу мот.

Ох хорошо б везоме шить Но ты — пидонный новосёл — Сквозь амбарную чутъ видны, Воена прохобит по степи.

Как хочешь пуля шпорой! Но говорит — Пригнать жид. Сосны шпинуланы в обход, А ты поставлен в тесный дют И скомовый и не охотей!

Вымокте пробужденных сил, Ты чья и чья? Ты чья и чья? Но позвиг сомерва и то, Кто тяжёсть фронтовых невзгод День от дни переживаю.

Ты чья и чья? Ты чья и чья? Но выслота, говорит мой, Понадобилось — на епугу Лежла неведомый шпору!

Ты обожавши и тесный дют, Сегодня выдвигай в земле. Готовый к бою пулемёт, Стоит на стружном столе.

Деструющая рама.

денушка, и желая сделать ему приятное, генерал лукаво спросил:

— Да, — ответил Андрей деревянным тоном.

Вдруг он подумал: «Гля жана!» И в такое пришёл радостное смятение, что на время обо всем забыл. Генерал ухмыль, а он стоял всё на том же месте, посприло поля, изрытого оубой. Вель случается же: человека считают мёртвым, а он вдруг возмужаете в строй. И его самого считали погибшим. Мало ли что могло случиться! Полозовым. Гля, мы могли подобрать в Больших Ключах санитари из дивизии Полозова. Немцы могли отправить её в высший штаб. И тогда Андрей выдвигет в спасет, где бы этот штаб находился. Андрей со страхом вспоминает, что отряд надо тал отмык. Целые сутки бездельствия — как скоротать их? «Впрочем, это уже война».

Андрей посприло на плече автомат и, сопротивляясь по пятим верным алычуготом Иваном Ивановичем, пошёл к лесу.

Каличский фронт, 1943 год.

Русские писатели о немцах

Ломоносов писал, обращаясь к русским воинам:

Войте счастливо, сравните честь свою
Со предков похваляя которую пою,
Чей гордытою славой знаменаванъ Берлин
Для беспокорности царств не умышляя
причин.

И чем же немцев лучше славянина?
Не тем ли, что куда его судьбина
Не kinetic, он везе себе ягидей
Огнень и каргофоль? Вот народ:
И без планета правит и за денями служит,
Всех' дежит сиза, а бьет его — не плачет!

Лермонтов

Та мысль, которую я носил в уме об этой
чуждой и фанатической Германии, исчезла,
когда я увидел Германию в самом деле, так,
как ищет предвостынный голубой комарик
дама, когда мы приближаемся к ней близкою.

Гоголь

Нельзя составить такую характеристику
наблюдений особенностей, под которую подо-
ходило бы большинство людей этой нации и
которая с тем вместе оставалась бы отно-
сительно собственно к этой нации, как: от-
ражение от других наций, но была бы харак-
теристикою группы людей гораздо более
обширной, чем эта нация... Но немцы не оста-
вались в долгу: французы и итальянцы ли-
ди — деткоммюналы, неспособныя, веро-
яточно от природы, но воспитаны в духе
коллективнаго, а у людей с коллективнаго
темпераментом — вообще черные волосы, мы,
немцы, не только мы люди рассудительные,
наши солдаты сиза, и эмпериент у нас
такой, как у деткоммюнальных, веролом-
ных французов и итальянцев, он у нас спо-
койный и энергетический, и волосы у нас
какие: у них — черныя, у нас светлыя.
К этому кутурному сочетанию красоты
с самохвалством присоединены ученые
недомогия и невооруженныя.

Чернышевский

Какою-то большою музью недоверчивости,
какою-то болезнью призрачности с тем, что он
видит резко на себе непохожого, совершен-
ная неспособность довериться, что русский
не может обратиться совершенно в немца и
что потому нельзя его мерить на свой аршин
и, наконец, явное или тайное, но по
каким-либо случайным беспредельное высокомерие
перед французом — вот характеристика почти
всего немецкого человека во взгляде на
Россию... Германец уже уверен в своем тор-
жестве всею и в том, что ничего не может
стать вместо него во главе мира и его
возрождения... Идея славянскую
германец презирает.

Достоевский

В самом деле, только перешли мы
границу... — хватя стоит Берлин
с какою солидарной, о кото-
рой у нас не имеют понятия и
которую заставляют нас сразу
торять апелля... Существеннейшая
вещь — это полное убеждение в
своем деле, в том, что бытчики
рота вместо того есть хворота
покие красота прекрасной Елены.
Спрсите любого из этих усов
о его враге и полюбуйтесь, какой
у нем сидит образчик, сонна-
тельный зверь.

Успенский

Немец самоуверен даже всего и
тверже всех и протиние всех,
потому что он воображает, что
знает истину.

А. Толстой

Суворовский гренатер

Почти сто лет назад на
улицах Пятигорска можно
было встретить отставного
суворовского солдата гренадера
Витурского почетного
имена Иакоа Осиповича По-
падичева.

Старик, согнувшись, мед-
ленно шел. На вопрос, поче-
му он так горбится, солдат
обычно с гордытою отвеща-
ла, что «таково носить вот
это». И он показывал на
свои медали и боевые отли-
чки на груди.

Попадичев имел медала за
штурм Очакова, Измила и
Прага, за войну с турками,
за 1812 год. Он участвовал
также в итальянском и
швейцарском походах. Старо-
го служажу трижды разли-
ли: под Аустерлицем и два-
жды во время войны с Тур-
цией.

Попадичеву шел его первый год, но чув-
ствовался он себя бодро.

Суворовский знала полная вырок Попадиче-
ву. Во время войны с поляками, поехав
на фуражировку, за снегом и соломою для
лошадей, он чуть было не попал в плен к
полякам. Польские солдаты неожиданно
вышли на русских фуражиров, и Попадиче-
ва, выскочив по тревоге на умину, попал
прямо в руки поляку, схватившему его за
волосы, так как каска Попадичева сваялась
с головы.

Поляк пошел Попадичева в плен. Но уда-
лой солдат соорудил, что ему надо делать.
Он встал врозь за полком истрелков. Вызв-
нуть его и вывести курок было делом одного
мигновения. Грнгу выстрела — поляк повалился,
а Попадичев ухватил к своим, поднял
тревогу и привел на выручку конницу, за-
тапшавшую отступить полком.

«В 1799 году русские солдаты двинулись
в Италию.

Иакоа Попадичев.

Быстрые марши и сло-
жающие на ними сражения
привели к тому, что в те-
чение нескольких недель
Аомбария была очищена
от французских войск. Русе-
ские солдаты первыми за-
няли и почва, в жару и
жолды, на предводительств
Суворовым, везу били врага.

Труднее других был
швейцарский поход. Здесь
приходилось бороться и с
врагом и с природой.

— Горы были каменистые.
Мы доискали на скалы
они степали нашу обувь.
Но на Суворова не ропта-
ли, — говорила Попадичев. —
Впереди нас шла егера, а
спеди их — наш полк и
сподгренадерский баталь-
он.

Существование, поган по
ушлою. Точно мы двига-
лись в черноту тысячю
на каждом шагу латын-
ка, реку возрощет, солно камня в пьна-
кто-то перемальмет, Теснота такая, что
дому чомовнем в ряд идти тосно, а впер-
дем как хлпать, что не устужи на ногад
Туман солно кисель жкой висит на плечах.
На нас страшно было смотреть: кругом ши-
паны и обораны, — зато штыки блестяи.

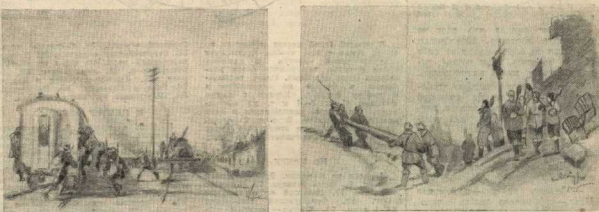
Пробиваясь через кручи, перевала, доли-
ны, срываясь с оспитым в горной войне
протиняким, русские солдаты околами и
Алпы. В долине Ирицца закончили швей-
царский поход.

Отвага, выносливость, нехочивость и пред-
анность суворовского солдата своей родине
долго еще будут примером для нас. Улож-
нились военные техника, изменились боевые
приемы, но остались, еще и навсегда оста-
нутся связывающая нас с суворовскими бо-
йцами любовь к родине, верность своему
долгу, умение, хребрость и дисциплина —
основа побед армии в боях.

Город будет жить!

Рис. В. Демидова.

Фронт отдавался от Воронежа. Нескончаемой вепри-
кой идут на запад эшелоны с подкреплениями,
бойтрисами, продовольствием.

А на улицах города, рядом с садами, обезвреживающие
оставленные врагом мины, батарея связистов навешивает
провода, женщины расчищают дорож.

Ответственный редактор — Борис ВОЙТЕХОВ.

Зам. ответственного редактора — Ю. КРЕМНЕВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правда», 24.

Тел. Д. 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А 1392. Подписано к печати 5/VI—43 г. Изд. № 504. Формат 21 x 110 см. 2 п. л. Зск. в п. л. 96 000. Шрифт 10/12. Тираж 30 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правда», 24.